

Альберт Аспидов
Петербургские арабески

«Центрполиграф»

2007

Аспидов А. П.

Петербургские арабески / А. П. Аспидов — «Центрполиграф»,
2007

В книге Альберта Аспидова, как в фантастическом орнаменте арабесок, переплетены истории, посвященные самым разнообразным сторонам жизни старого Петербурга. Живо и занимательно автор рассказывает о церковных и светских торжествах, костюмированных балах и народных гуляньях, купеческих нравах и училищных порядках, дуэлях, дворцовых переворотах и событиях Русско-японской войны... Также вы познакомитесь с историей домов, дворцов, их обитателей и связанными с ними легендами, ставшими частью городского фольклора.

© Аспидов А. П., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Предисловие	5
Серенады старого дворца	7
Серенада старого Зимнего дворца	7
Королевские гобелены для царского дворца	13
Привидение в Летнем саду	19
Красные перья, белые штиблеты и золотые пуговицы	24
Тайны исчезнувшего дворца	33
Карусель пиковой дамы	40
Ворона на цепи	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Альберт Павлович Аспидов

Петербургские арабески

Предисловие

Прошлое Петербурга иногда представляется в виде сложного и необычного переплетения линий мозаичных картин и орнаментов, составленных в разное время разными поколениями. Дома, события, люди и прочее видимое и невидимое представляют как бы кусочки разноцветных камней или стеклышек (смальт), образующих эти обширные картины-панорамы. Такого рода импровизированные фантастические декоративные изображения обычно называли арабесками. Они создавались для всеобщего обозрения и иногда включали в себя и сокрытую символику поучительного характера, и предсказания, которым предстояло сбыться. Появление этого стиля обычно связывали с византийскими мастерами, выполнявшими работы для своих арабских заказчиков.

Однако насколько северный город Петербург связан с такого рода художественными ухищрениями? Ведь этот город изначально задуман, спланирован с прямыми линиями улиц и с жизнью, строго регламентированной уставами и служебными обязанностями. Это вроде бы так и, вместе с тем, не совсем так. Ведь даже с названиями самого города все не так просто. Где найдется другой такой город с таким фантастическим разнообразием в своем наименовании, не говоря уже о разных проявлениях в его жизни?

В первоначальных жизнеописаниях царя Петра Алексеевича город, созданный им, именовался Петрополем. Это – для сравнения царя с равноапостольным императором Константином, воздвигшим свою новую столицу как раз на берегу широкого протока, отделявшего Европу от Азии. В данном случае роль Босфора отдавалась Неве, отделявшей Азию-Россию от Европы, находившейся на другом берегу. (Таковыми были географические представления того времени.) Петрополь как бы объединял эти два материка. Такое название города, хоть и неофициальное, прижилось. Вспомним пушкинское:

И всплыл Петрополь, как Тритон,
По пояс в воду погружен.

Официальное наименование города на немецкий манер – Санкт-Петербург – было продиктовано желанием устроить его по западному, европейскому образцу. Чтоб стать окном в Европу. Чтоб все в нем было так, как в «развитых странах». Это получилось. Картина-шедевр с таким цивилизованным обликом была набрана. На удивление и восхищение окружающего мира.

Однако в 1914 году, когда началась война с Германией и Австрией, город сменил свое имя и стал именоваться на славянский манер – Петроградом. Выступив, таким образом, с новой миссией – за освобождение и объединение славянства. Так начала создаваться новая картина.

Но неожиданность и фантастичность в поворотах сюжетов истории повлияли и на то, что в разгар жестокой борьбы за освобождение братьев-славян, уже приближавшейся к успешному завершению, в городе на Неве (протоке, объединяющем Европу и Азию) было поднято знамя уже другого освобождения и объединения. Пролетариев всех стран призывали прекратить войну друг против друга и объединиться в главной борьбе – с мировой и внутренней буржуазией. В это новое время, перечеркнувшее все старое, город изменил вновь свое имя и стал Ленинградом.

Но и эта как будто завершенная картина затем получила вдруг новое продолжение. Ее орнаменты и линии снова приобрели виртуозную и фантастическую сложность и скрытность в своем содержании. Город пожелал опять стать «блистательным Санкт-Петербургом». Однако в сложной вязи начертаний слов, сопутствующих арабескам, есть и такое изречение античного мудреца: «Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку».

Таким образом, прошлое Петербурга вряд ли можно представить в виде прямой линии, проведенной между двумя точками. В нем много загадочного, запутанного и фантастического.

Конечно, за прошедшие долгие и бурные времена составленные историей «петербургские арабески» понесли утраты. Выпадали (или изымались) составляющие их части. Или просто исчезали из памяти. Здесь мы старались поднять из пыли забвения (а подчас и грязи) выпавшие «смальты». А затем – очистить и представить их уважаемому читателю в виде рассказов, анекдотов, повествований для его развлечения, просвещения и, вместе с тем, приобретения житейской мудрости, полезной в повседневности.

Городская жизнь разнообразна. Соответственно разнообразны и материалы, здесь ее представляющие. В них рассказывается о дворцах, замечательных местах, войнах, событиях, людях, памятниках, храмах, празднованиях... Мы распределили их по разным тематическим главам-полочкам. Достаточно условно, ибо реальная жизнь не уместается на одной какой-либо «полочке».

Если эта книга или какая-либо ее часть позволит лучше понять город, вас окружающий, больше узнать о нем и о своей стране, прибавит доброты, то мы будем считать, что достигли той цели, к которой стремились.

Серенады старого дворца

Серенада старого Зимнего дворца

Старым Зимним дворцом в середине XVIII века называли стоявший на Неве у Зимней канавки дворец Петра I и Екатерины I. Унаследовавшая российский трон Анна Иоанновна предпочла жить в бывшем доме своего дядюшки, графа Апраксина. Дом этот находился тоже на Дворцовой набережной, но в самом ее начале – рядом с Адмиралтейством. Впоследствии его перестроил знаменитый Растрелли – в грандиозный Новый Зимний дворец. А старое петровское строение использовалось уже для других целей. Но легенды и воспоминания о нем продолжали жить...

Петр I первоначально хотел в своей новой столице устроить императорскую резиденцию на Васильевском острове. Вместо улиц на этом острове должны были быть каналы (как в Венеции), а в центре – большой и красивый императорский дворец. Это было в мечтах-замыслах. А на деле царю приходилось больше бывать на Адмиралтейской стороне, где находились кораблестроительные верфи.

Брауншвейгский резидент Вебер писал, что каждое утро во время пребывания в своей столице Петр «посещает кораблестроение, распределяя там работы, и сам принимает в них собственноручное участие, так как основательно знает эти работы от мельчайших до самых больших вещей». Неподалеку от Адмиралтейских верфей для венценосного плотника был построен «маленький домик голландской архитектуры», состоявший из шести тесных покоев. Домик был поставлен в глубине участка, заключенного между Невской набережной и Немецкой (Миллионной) улицей. Он был назван «Зимним домом», в отличие от «Летнего дома», в саду у реки Фонтанки. Царский участок соседствовал с участком корабельного мастера Федосея Скляева.

Портрет Петра I. П.Г. Жарков. 1796 г.

Основные иллюстрации предоставлены автором. Современные фото О. Трубский, П. Демидов, А. Червяков, А. Дроздов.

К концу 1708 года Петр вместе с «другом сердешным» Екатериной (его военным трофеем) мог поселиться в своем одноэтажном, увенчанном мезонином «Зимнем доме». Этот год был и годом рождения их дочери Анны. К этому времени отношения Петра с бывшей Мартой Скавронской (получившей при переходе в православие имя Екатерина) стали достаточно основательными. Она сопровождала царя в поездках, без нее Петр тосковал.

В 1711 году Екатерина была вместе с ним и во время опасного Прутского похода, направленного против Турции, объявившей Петру войну. Перед тем как уехать на это дело из Москвы, Петр и Екатерина сообщили о своем предстоящем бракосочетании – тайно, в кругу близких лиц. Свадьбу предполагали отпраздновать по возвращении в Петербург.

Оставленный в столице «на хозяйстве» генерал-губернатор А.Д. Меншиков срочно занялся изготовлением подарка к таковому возвращению и торжеству. Архитектору Д. Трезини было приказано на месте прежних «маленьких хором» возвести для царя и его семейства обширный, на высоком подвале двухэтажный новый «Зимний дом». В этом своем доме в феврале 1712 года «шаутбейнахт» (контр – адмирал) российского флота Петр Алексеевич Романов и справил долгожданную свадьбу. За круглый свадебный стол был приглашен и его сосед Федосей Склеяев. Как свадебные «подружки» невесты участвовали в брачной церемонии и дочери шаутбейнахта: 4-летняя Анна и 3-летняя Елизавета.

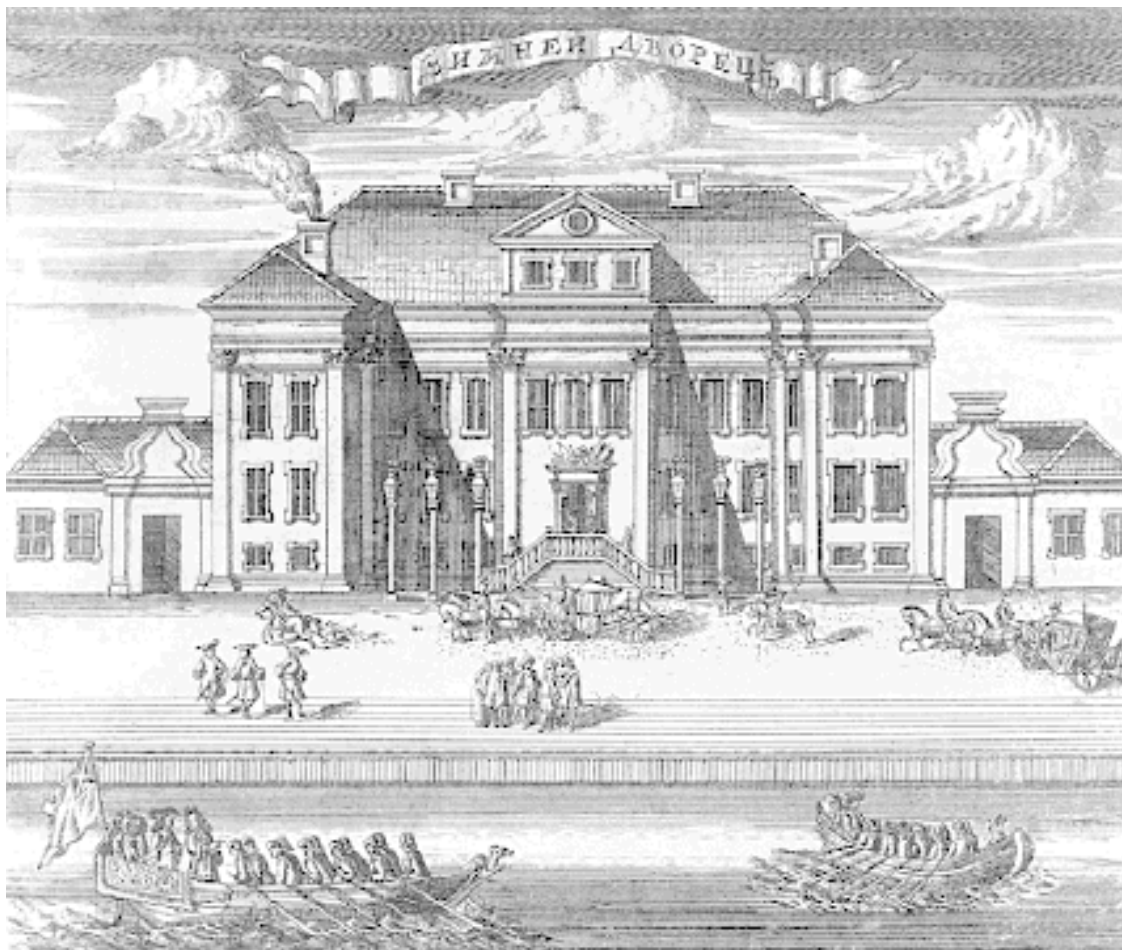

Императрица Екатерина Алексеевна.

Наверное, это Екатерина с ее практическим и трезво все оценивающим складом ума убедила своего супруга устроить царскую резиденцию не на отдаленном и не всегда доступном Васильевском острове, а поставить ее здесь – рядом с обжитым, но уже ставшим тесным «Зимним домом». Екатерина через пять лет после свадьбы была объявлена царицей, а венценосной особе полагался уже придворный штат и соответствующее представительство. Архитек-

тору Г.И. Маттарнови был заказан проект нового Зимнего дворца, выдвинутого на невскую набережную.

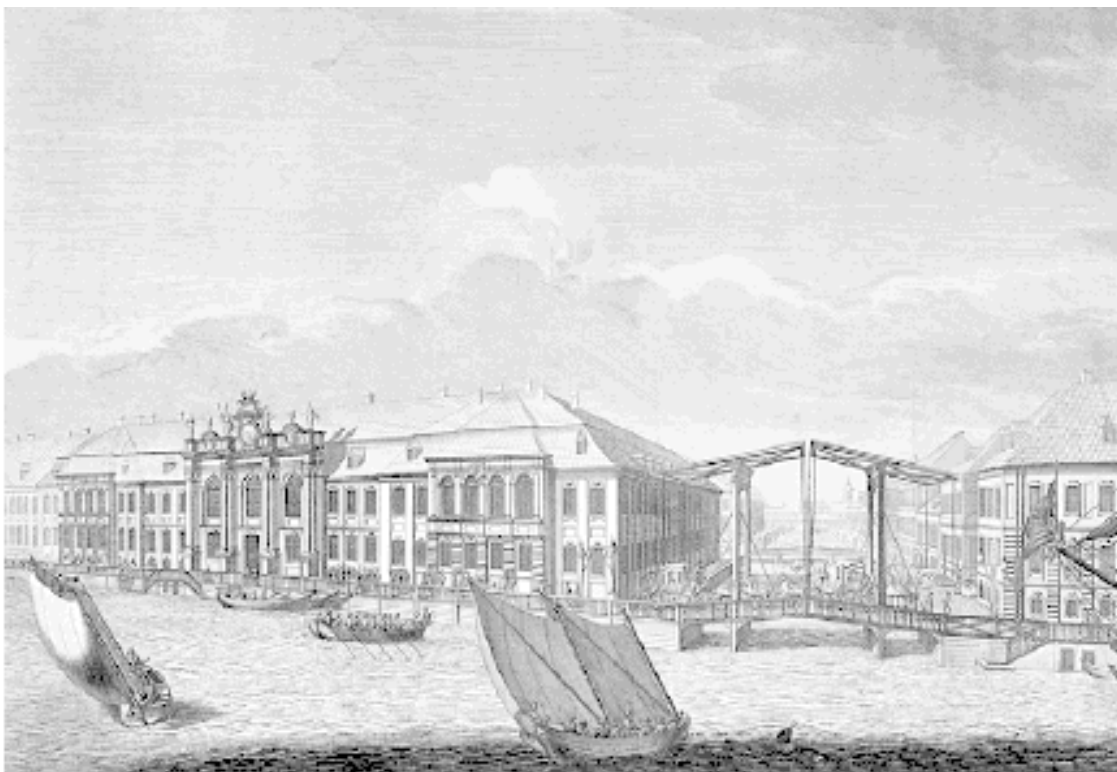
Первая очередь дворца была возведена в 1716–1719 годах. Прорытый от Невы до Мойки канал (Зимняя канавка) отделил царский участок от его западных соседей. На середине канала небольшая гавань укрывала прогулочные корабли царя и позволяла принять гостей, прибывших сюда водным путем. К гавани с севера примыкал правильно организованный садик, в котором сразу обращал на себя внимание красивый фонтан. За садиком следовал и вход во дворец. Красивы были и небольшие внутренние помещения дворца, представлявшие собой личные покои царя (1-й этаж) и царицы (2-й этаж). Двухэтажный дворец возвысился над каналом до Невы.

Зимний дворец. А.Ф. Зубов. 1716 г.

Далее постройка дворца продолжилась уже вдоль невской набережной. В июне 1719 года Петр издал указ, предписывающий к новопостроенным палатам в «Зимнем доме» «пристроить другие такие же по течену (чертежу. – А.А.), каковой объявит архитектор Маттарнови». «Санкт-Петербургские ведомости» приглашали желающих подрядиться на «строение каменного дому между Зимним домом и палатами Федосея Скляева». Таковым оказался каменщик Яков Неупкоев.

К концу 1723 года украшенный в стиле барокко императорский Зимний дворец предстал перед жителями столицы во всем своем великолепии. В центре его лицевого фасада, обращенного к Неве, был красивый четырехколонный портик, увенчанный короной. За портиком на втором этаже находилась главная достопримечательность дворца – Большой зал. Стены зала были украшены гобеленами, подаренными французским королем.

Проспект старого Зимнего дворца с каналом, соединяющим Мойку с Невой. Е.Т. Виноградов по рисунку М.М. Махаева. 1753 г.

Камер-юнкер Ф.В. Берхгольц, бывший при гостившем в Петербурге герцоге Голштинском, отмечал 15 октября 1723 года в своем подробном дневнике: «В этот день императорские принцессы (Анна и Елизавета. – А.А.) вместе с великим князем (Петром Алексеевичем – малолетним внуком царя. – А.А.) и его сестрой (внучкой царя, Натальей. – А.А.) переехали из летнего в зимний дворец». Таким образом, вся царская семья устроилась под кровлей свежеекрашенного Зимнего дворца.

Появление герцога Голштинского Карла-Фридриха при императорском дворе было связано с тем обстоятельством, что герцог надеялся с помощью России вернуть своему маленькому государству земли Шлезвига, захваченные Данией. Такую помощь могущественного Петра легче всего было получить, став мужем его любимой дочери Анны. Таким образом, дипломатические замыслы герцога получили романтическую окраску. Судя по воспоминаниям современников, нетрудно было ему увлечься и самой Анной.

Тот же Берхгольц так описал Анну Петровну после встречи с ней в Летнем саду: «Взоры наши тот час обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную как ангел. Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя... Вообще можно сказать, что нельзя описать лицо более прелестное и найти сложение более совершенное, чем у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная приветливость и обходительность, которыми она обладает в высшей степени».

Другой современник так отзывался о дочери царя: «Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчило в ней... Самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого-либо недостатка. Ко всему этому присоединялись пронизательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского. С детства отличалась она неустрашимостью, предвещавшею в ней героиню, и находчивостью».

Ухаживал Карл-Фридрих за юной принцессой долго, настойчиво и красиво. Наверное, на Анну (да и на других обитателей дворца) наибольшее впечатление производили устраиваемые герцогом под окнами принцессы серенады.

Цесаревна Анна Петровна.

Неутомимый Берхгольц описал эти столь необычные для северных мест серенады: «Когда мы вошли во двор (Зимнего дворца. – А.А.)... я расставил факельщиков с большими восковыми факелами в руках. Пятнадцать из них в парадных герцогских ливреях... Музыка началась. Она продолжалась почти час и была тем приятней, что погода стояла тихая и ясная. Оркестр состоял из 17–18 человек, все отборные люди. Во время музыки обе принцессы... стояли у окон и слушали с великим вниманием. Старшая принцесса при этом случае показала, что она большая любительница музыки, потому что все время держала такт рукой и головой. Его высочество (герцог. – А.А.) часто обращал взоры к окну и, вероятно, не без тайных вздохов; он питает к ней большое уважение и неописанную любовь».

Помолвка голштинского герцога и принцессы Анны состоялась в ноябре 1724 года в Большом зале дворца. Государь поцеловал жениха и невесту, надел им на руки кольца. Ожидалось, что в начале следующего года этот зал станет свадебным.

Однако получилось так, что к этому времени император опасно заболел. Перед своей кончиной царь потребовал доску. Слабеющей рукой он начертал на ней: «Отдайте все...» Далее рука перестала ему повиноваться. Император приказал позвать Анну Петровну, которой хотел диктовать. За ней побежали. Но когда она приблизилась к постели, Петр уже лишился языка и сознания. Оставалось только догадываться, что последние написанные Петром слова относились к его любимой старшей дочери...

Петр I на смертном одре. И.Н. Никитин

В придворном «Походном журнале» за январь 1725 года было записано: «28-го в 6-м часу пополуночи в 1-й четверти его императорское величество Петр Великий представился от сего мира от болезни, урины запору». Тело Петра для траурных и прощальных церемоний было перенесено в Большой зал. Таким образом, предназначенный для свадебных торжеств зал стал «Печальным залом».

Овдовевшая императрица Екатерина I приказала для назначенной при помолвке свадьбы к маю 1726 года построить в Летнем саду, на берегу Невы, большой зал. В строительный сезон этого же года сооружение с таковым залом было возведено...

Герцог Карл-Фридрих увез свою молодую жену из Петербурга в северогерманский Киль в 1727 году, где она родила ему через год принца Карла– Петра-Ульриха. Того, кто стал впоследствии русским императором Петром III. Герцог, так и не дождавшись возвращения ему Шлезвига, пристрастился к вину. Хорошие отношения между супругами не сложились. Анна Петровна скончалась от чахотки, тоскуя по родным местам. Екатерина II писала об этом: «Ее сокрушила тамошняя жизнь (в Киле. – А.А.) и несчастное супружество».

Анна Петровна завещала, чтобы ее похоронили в Петербурге – подле отца. Там, где некогда звучали покорившие ее сердце серенады.

Королевские гобелены для царского дворца

В XVIII веке любили и понимали язык аллегорий – язык художественных образов и иносказаний. Произведения искусства подчас не только украшали здание, но и рассказывали о заслугах его владельца. Вспомним скульптурные группы «Самсон» в Петергофе и «Мир и изобилие» у Летнего дворца Петра I. В Зимнем дворце императора Петра большая тканая картина, изображавшая описанную в Евангелии рыбную ловлю апостола Петра, напоминала посетителям об удачном завершении предприятия, задуманного хозяином дворца. И не иначе как с Божьей помощью.

Поездка Петра I за границу в 1716–1717 годах отличалась от первой, которую он совершил десять лет назад в составе русского посольства под именем урядника Петра Михайлова. Теперь позади были Полтава и Гангут – прославившие его настоящее имя. В Париже Петра принимали уже как главу победоносной великой державы и старались показать ему все, что могло быть ему интересно.

Одной из таких достопримечательностей оказалась и «Королевская гобеленовская мануфактура». Здесь известные мастера вручную разноцветной шерстью и шелком по натянутой основе создавали тканые копии с картин и картонов, писанных знаменитыми художниками. Изящные гобелены – так именовались ковры, выпускаемые этим государственным заведением, – были очень дороги и предназначались для украшения королевских дворцов и подарков.

И.И. Голиков в своей книге «Деяния Петра Великого» так описал день 1 мая 1717 года: «...был монарх в славной гобелинской фабрике, смотрел работу сию и все в ней находящееся с великим вниманием и удивлением.

Чудесный улов. 1713–1717 гг.

Изгнание торгующих из храма. 1713–1717 гг.

Воскрешение Лазаря. 1713–1717 гг.

Пир у Симона Фарисея. 1712–1715 гг.

Его Величеству поднесены были в подарок, от имени правительства, четыре прекрасные картины, ценимые в 60 000 талеров, вытканые с наилучших картин славного Жувинета и представляющие рыбную ловлю Св. Петра, воскресение Лазаря, исцеление расслабленного и изгнание из храма торгующих, из коих все фигуры были в рост человеческий». Полученные подарки были кстати: принимая их, Петр, наверное, подумал, что они смогут украсить его Зимний дворец.

Зимний дворец Петра I располагался там, где Зимняя канавка соединяется с Невой (на месте нынешнего Эрмитажного театра). Во время пребывания Петра в Париже начали строить для дворца на набережной Невы новый двухэтажный корпус – до соседнего участка корабельного мастера Федосия Скляева. Центр дворца украсил торжественный четырехколонный портал, за которым на втором этаже в этой части дворца был устроен Большой зал. Данное Петром указание разместить там гобелены (размером 7,5х5,5 метра каждый) определило размеры зала.

В своем дневнике камер-юнкер Ф.В. Берхгольц (служивший у герцога голштинского, соискателя руки царевны Анны Петровны) в октябре 1723 года записал: «...осматривал комнаты в императорском зимнем дворце, которые вообще очень малы, однако необыкновенно красивы и теплы; есть там также большая императорская великолепная зала, но еще не совсем готова». Берхгольц посетил тогда еще не полностью отделанный зал и потому не мог видеть главное его украшение – гобелены, подаренные королем Франции хозяину этого дворца.

О гобеленах свидетельствует известный сподвижник Петра Феофан Прокопович: «... стены в той зале преизрядными шпалерами, на которых некия чудеса Христовы зело искусным мастерством были украшены». Это воспоминание архиепископа было вызвано уже печальным обстоятельством – кончиной Петра I: гроб императора был установлен в Большом зале дворца. 16 марта 1725 года состоялись похороны. Гроб вынесли из среднего окна зала, для чего снаружи были сделаны специальные подмости. По невскому льду печальная процессия двинулась к Петропавловской крепости...

Проспект вниз по Неве реке между Зимним Ея Императорского Величества домом и Академией наук. Фрагмент. Г.А. Качалов по рисунку М.М. Махаева. 1753 г.

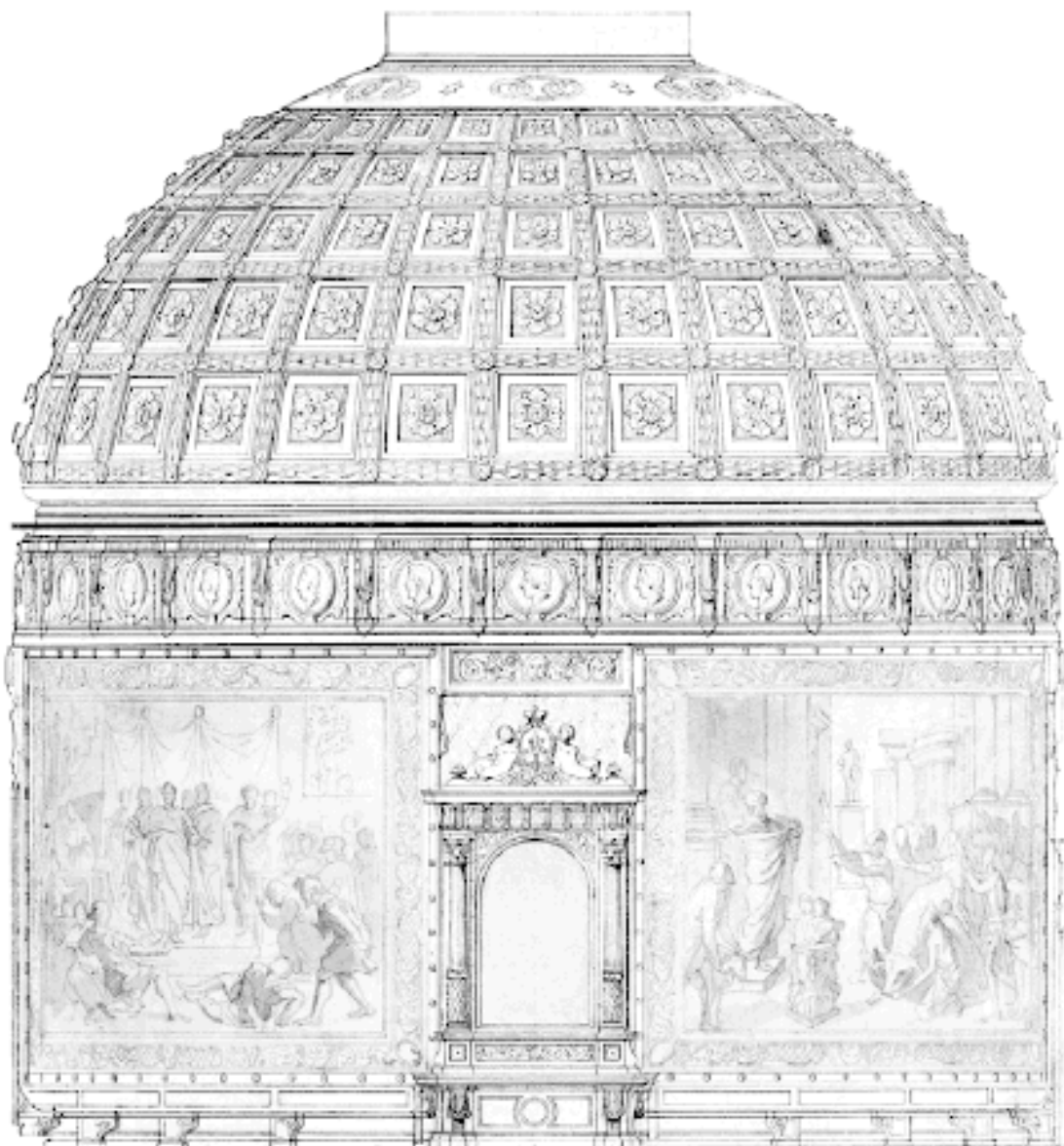
Прошло несколько лет. В 1732 году императрица Анна Иоанновна при возвращении в Петербург остановилась уже в бывшем доме генерал-адмирала Апраксина – первом от Адмиралтейства по набережной. Так появился «Новый зимний дворец». Сюда были перевезены дворцовые убранства, в том числе и гобелены из старого Зимнего дворца. И.И. Голиков, живший во времена Екатерины II, рассказывая о гобеленах, подаренных Петру I, сообщал об их дальнейшей судьбе: «Сии картины всегда хранились с великой бережливостью, и за несколько еще перед сим лет оными украшены были три стены покоя в Императорском зимнем дворце в Санкт-Петербурге».

Здесь гобелены были, очевидно, до пожара 1837 года, после которого от дворца остались одни стены. При пожаре все дворцовое имущество выносилось и складывалось на площади. Затем гобелены были положены в кладовую, на хранение – вместе с другими коврами...

Вспомнили о существовании тканых картин уже много лет спустя, когда приближалось празднование 100-летия Академии художеств. Александр II решил подарить Академии гобелены, в их числе и известные нам петровские. Гобелены оказались поврежденными временем. Подряд на реставрацию, «хоть и убыточную для него», согласился взять мастер Прево – «желая показать свое мастерство».

К юбилею Академии обновлялось, перестраивалось и ее знаменитое здание. Круглый зал, расположенный на западной оконечности торжественной академической анфилады, решено было предназначить для заседаний Совета Академии. Профессор Ф.И. Эпингер, составлявший проект, решил украсить его стены подаренными гобеленами. Из девяти таковых гобеленов четыре представляли собой картины одной, «евангельской» серии, и выбор определился: именно эти четыре ковра можно было удобно разместить по периметру круглого зала.

В зале была установлена скульптура работы С.И. Гальберга, изображающая Екатерину II, держащую в руках свиток – академические устав и привилегии. Зал стал называться также Екатерининским.

Проект Круглого зала Академии художеств. Ф.И. Эпингер

В сентябре 1868 года двери Академии вновь были открыты. Столичная пресса давала оценку обновленным интерьерам. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Налево и направо от нас две большие залы, называвшиеся прежде античными... Пройдя правую из этих зал, попадаем в прелестную круглую залу, словно роскошный шатер увешенную старинными гобеленовыми коврами с изображениями из священной истории».

Заседание Совета Академии художеств.

Полвека гобелены украшали зал Совета. Они видели многих выдающихся художников России. В сентябре 1917 года в связи с военной опасностью, угрожавшей Петрограду, художественные ценности, сохраняемые в Академии, были упакованы в ящики и отправлены в Москву. Пять ящиков были заняты гобеленами. Здесь они хранились в помещениях Музея изящных искусств.

Из эвакуации обратно в Академию художеств гобелены уже не вернулись: они вновь оказались по другую сторону Невы – уже в хранилищах Эрмитажа.

Прошлое петровских гобеленов одинаково принадлежит Зимнему дворцу и Академии художеств. Лучше, наверное, эти реликвии будут смотреться в Екатерининском зале Академии художеств, где они были необходимой частью интерьера.

Привидение в Летнем саду

В ноябре 1741 года цесаревна Елизавета Петровна совершила вооруженный переворот: ночью захватила годовалого императора Иоанна VI и его мать Анну Леопольдовну, правительницу. Дальнейшая судьба этих заложников была горька и печальна. Затем «кроткая Елизавет» принялась уничтожать все, что могло сохранять память о предшествующих царствованиях – младенца и его бабки императрицы Анны. Это коснулось прежде всего монет с изображением Иоанна, бумаг с упоминанием его имени. Не поздоровилось и другим немым свидетелям. Был сломан большой каменный Зимний дворец, возведенный архитектором Растрелли для императрицы Анны Иоанновны. Снесли и другой анненский дворец – Летний. В нынешнем Летнем саду уже ничто не напоминает о нем. Но мы все же попробуем вспомнить, без предвзятости, навеянной некоторыми художественными произведениями, а обращаясь к свидетельствам современников.

Своим возвращением в январе 1732 года в Петербург Анна вернула этому уже приходящему в запустение месту статус императорской резиденции. Город торжественно – музыкой, пушечной и ружейной пальбой, арками, воздвигнутыми на Невской перспективе, – встретил вернувшуюся к здешним берегам племянницу Петра I. В Петербурге малолетняя Анна вместе с матерью и сестрами жила в тогдашнем его центре – в доме у Троицкой церкви на Петербургской стороне. Отсюда были видны деревья Летнего сада на противоположном берегу Невы. Теперь самодержавная царица повелела построить для себя дворец в этом саду Летний. За шесть недель молодой и энергичный архитектор Ф.Б. Растрелли осуществил высочайшее распоряжение. Для этого ему пришлось очистить место на набережной – разобрать «Залу для славных торжествований», устроенную шестью годами ранее Екатериной I «для торжествования свадьбы» своей дочери, цесаревны Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского. Теперь это деревянное здание было перенесено на другой конец сада, к Карпиеву пруду, и стало именоваться «Домом комедий», в соответствии со своим новым назначением.

Новый Летний дворец Растрелли поставил неподалеку от старого петровского – на берегу Невы, как раз по линии нынешней красивой ограды сада. Как он выглядел? Англичанин Ф. Дэшвуд, посещавший в 1730-х годах русскую столицу, вспоминал: «Летний дворец, в котором теперь живет царица, – длинное одноэтажное деревянное здание, в нем просторные апартаменты и оно для этого времени года кажется очень подходящим...» Другой путешественник, датчанин П. фон Хавен, сообщает: «Летний дворец называется так потому, что в нем живет императрица, когда летом приезжает из Петергофа в Петербург, а также до наступления настоящей зимы. Этот дворец стоит на берегу реки, он выстроен из дерева, одноэтажный, однако так красиво раскрашен и имеет столь частые окна из зеркального стекла, благодаря чему с реки можно видеть исключительно дорогую драпировку в покоях, что здание скорее похоже на увеселительный дом, чем на дворец... Сад при нем большой, красивый и хорошо разбитый...»

Наверно, Анне нравилось это место прежде всего из-за обширнейшего сада. Посторонних туда не пускали, и она жила, как помещица, могла свободно гулять по многочисленным аллеям и заниматься улучшениями в своем имении.

Нынешний Летний сад занимает лишь небольшую часть анненского, называвшуюся прежде Нижним садом. Она славилась своими водометами-фонтанами. А за Лебяжьей канавкой находился уже так называемый Верхний сад, включавший в себя и Царицын луг (Марсово поле). Южной границей сада была нынешняя Итальянская улица.

В Верхнем саду выращивалось всевозможное фруктовое и овощное многообразие, в том числе кофейные деревья и ананасы. А на Царицыном лугу было отведено место для «экзерциций гвардейских полков», неподалеку от Летнего дворца. Императрица сделала свою армию дисциплинированной, сильной, победоносной и любила смотреть на воинские занятия.

При одном из таких смотров случайно оказался молодой шотландский медик Дж. Кук и «имел удовольствие наблюдать один из самых пышных дворов мира». Он рассказывал затем: «Императрица Анна не была красавицей, но обладала каким-то столь явным изяществом и была столь исполнена величия, что это оказало на меня странное воздействие: я одновременно испытывал благоговейный страх перед ней и глубоко почитал ее. Мужчины были в богатейших одеждах, также и дамы, среди которых было много чрезвычайно изысканных красавиц. Принцессы Елизавета и Анна (Елизавета Петровна и Анна Леопольдовна. – А.А.) выглядели весьма изящными и обе были очень красивы».

Императрица Анна Иоанновна. Коронационный портрет. 1731 г.

Элизабет Джастис приезжала в анненский Петербург из Лондона, чтобы послужить здесь гувернанткой. Вернувшись домой, она вспоминала о «ныне непревзойденной государыне царице»: «Ее величество высока, очень крепкого сложения и держится соответственно королевской особе. На ее лице выражение и величия, и мягкости. Она живет согласно принципам своей религии. Она обладает отвагой, необычной для ее пола, соединяет в себе все добродетели, какие можно было бы пожелать для монаршей особы, и хотя является абсолютной властительницей, всегда милосердна. Ее двор очень пышен. Многие приближенные – иностранцы... Ее величество встает очень рано и зимой обедает в двенадцать часов. Для ее развлечения дважды в неделю идет итальянская опера, которую содержит ее величество. Я имела честь дважды видеть ее величество в опере. Оба раза она была во французском платье из гладкого силезского шелка; на голове у нее был батистовый платок, а поверх – то, что называют шапочкой аспадилли из тонких кружев с вышивкой тамбуром и с бриллиантами на одной стороне. Ее величество опиралась на руку герцога Курляндского (Бирона. – А.А.); ее сопровождали две принцессы, затем остальная знать. В центре партера стояли три кресла; в среднем сидела ее величество. А по бокам – принцессы в роскошных одеждах».

Описанный Джастис театр (первый постоянный в Петербурге) был построен при новом Зимнем каменном дворце. Здесь русская публика впервые познакомилась с оперой.

А в своем Летнем дворце Анна Иоанновна одевалась по-домашнему. Платье носила простое, но со вкусом и ярких цветов. Темные цвета она не жаловала. А голову повязывала платком, как простолюдинка. Забавлялась игрой в бильярд. В галерее метко стреляла из лука, а из окон своего кабинета из ружья поражала пролетающих мимо ворон. Если Петр I во время гуляний в Летнем саду спаивал своих гостей, то Анна Иоанновна пьяных терпеть не могла. Обычай иметь шутов при дворе в России был очень древний. Они заменяли нынешний телевизор. Придворные шуты прежде были в великой чести. У Петра I шутов было по двенадцати и более, императрица Анна имела шестерых.

В июне 1738 года у царицы в ее Летнем саду побывала Настасья Филатьевна Шестакова, жена управляющего подмосковным дворцовым селом Дедиковым. Она сделала памятную запись об этой встрече, сохранившуюся до наших дней. Ее простой и безыскусный рассказ дает нам возможность увидеть Анну Иоанновну в простой, не парадной обстановке:

«Божией милостью, и заступлением Пресвятой Богородицы, и повелением ее императорского величества приведена я была во дворец летний. И привели меня к Андрею Ивановичу Ушакову (начальнику тайной канцелярии. – А.А.); а его превосходительство велел меня препроводить через сад в покои... И как я шла через сад, стоял лакей на дороге и спросил: не вы ли Филатовна? И я сказала: Я. И взял меня лакей, и довел меня до крыльца перед опочивальней, и привел к княгине. Княгиня пошла и доложила обо мне, и изволила ее величество прислать Анну Федоровну Юшкову: «Не скучно ли тебе, Филатовна, посиди». И посадила со мной от скуки говорить Анну Федоровну Волкову, полковницу. А как пришло время обедать, посадили меня за стол с княгиней Голициною...

А как пришел час вечером, изволила ее величество прислать Анну Федоровну Юшкову: «Ночуй-де у меня, Филатовна!» И я сказала: «Воля ее императорского величества». А как изволила откушать в вечеру и изволила раздеться, то меня княгиня повела в опочивальню пред ее величество, и изволила меня к ручке пожаловать... привести меня к окну и изволила мне глядеть в глаза, сказала: «Стара очень, не как была, Филатовна, – столько пожелтела!» И я сказала: «Уже, матушка, запустила себя: прежде пачкалась белилами, брови марала, румяны». И ее величество изволила говорить: «Румяниться не надобно, а брови марай». И много тешилась и изволила про свое величество спросить: «Стара я стала, Филатовна?» И я сказала: «Никак, матушка, ни маленькой старинки в вашем величестве!» – «Какова же я с толщиной, с Авдотью Ивановну?» И я сказала: «Нельзя, матушка, сменить ваше величество с нею, она вдвое толще». Только изволила сказать: «Вот-вот, видишь ли?» – «А где твой муж, и у каких дел?» И я сказала: «В селе Дедикове в коломенском уезде управителем». Матушка изволила вспомнить: «Вы-де были из Новгородских?» – «Те, мол, волости, государыня, отданы в Невской монастырь». – «Где же-де вам лучше, в новгородских или Коломенских?» И я сказала: «В новгородских лучше было, государыня». И ее величество изволила сказать: «Да для тебя не отнимать их стать. А где вы живете. Богаты ли мужики?» – «Богаты, матушка». – «Для чего же вы от них не богаты?» – «У меня мой муж говорит, всемилостивейшая государыня: как я лягу спать, ничего не боюсь, и подушка в головах не вертится». И ее величество изволила сказать: «Эдак лучше, Филатовна: не пользуется имение в день гнева, а правда избавляет от смерти». И я в землю поклонилась. А как замолчу, изволила сказать: «Ну, Филатовна, говори...»

Так Анна Иоанновна проговорила с Настасьей Филатьевной весь вечер. Разговор больше шел о московских знакомых, а на ночь она ее отпустила. А поутру Филатовну опять привели в опочивальню: «А убраться изволила, то пожаловала меня к ручке: прости, Филатовна, я опять по тебе пришло: поклонись Григорию Петровичу (Чернышеву – сподвижнику Петра I во всех его делах и сражениях, побывавшему и первым комендантом Выборга, и Московским генерал-губернатором. – А.А.), Авдотье Ивановне (жене Чернышева. – А.А.)». И изволила приказать Анне Федоровне Юшковой: «Вели отвезть Филатовну на верейке лакеям, да проводить». И пожаловала мне сто рублей... Изволила меня послать, чтобы я ходила по саду: «И погляди, Филатовна, моих птиц». И как повели меня в сад, и ходят две птицы, величиною и от копыт вышиною с большую лошадь, копыта коровьи, колени лошадиные, бедра лошадиные; а как подымет крыло, бедра голые, как тело птичье, а шея как у лебедя длинна, мер в семь или восемь длиннее лебязьей; головка гусиная, а носик меньше гусяного; а перье на ней такое, как на шляпах носят. И как я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: как то их зовут, то остановил меня лакей: «постой», и прибежал ко мне возвратно: изволила государыня сказать: эту птицу зовут строкофамиль; она-де те яйца несет, что в церквах к паникадилам привешивают».

О другом, уже необычном случае в Летнем дворце рассказывал один офицер в начале 1742 года деду графини А.Д. Блудовой. Антонина Дмитриевна поместила это семейное предание в своих «Воспоминаниях».

Это случилось в 1740 году, незадолго до кончины Анны Иоанновны. Офицер этот дежурил в тронном зале. Было уже за полночь, когда появилась странная фигура, похожая на государыню. Она стала медленно ходить по залу, задумчиво склонив голову и закинув назад руки, не обращала внимания на часовых, застывших с ружьями, взятыми «на караул». Все было настолько необычно и странно, что о происходящем офицер доложил Бирону, жившему здесь же, во дворце. Бирон удивился и, подозревая интригу и заговор, кинулся в опочивальню императрицы. Ему удалось уговорить ее выйти, чтобы разоблачить самозванку. Тогда молодому офицеру пришлось увидеть сразу две Анны Иоанновны. Настоящая была с Бироном, еще не успевшая снять с себя пудермантель. Анна Иоанновна, как всегда, и в такой необычной ситуации проявила выдержку: «Императрица, постояв минуту в удивлении, выступила вперед и пошла к этой женщине вперед, говоря: «Кто ты? Зачем ты пришла?» Не отвечая ни слова, та стала пятиться, не сводя глаз с императрицы, отступая в направлении к трону, пятившись на ступеньках, под балдахин... и исчезла. Анна Иоанновна повернулась к Бирону и сказала: «Это моя смерть!» Поклонилась остолбеневшим солдатам и ушла к себе».

С этого времени императрица Анна опасно заболела, слегла.

Прежде ей сопутствовал успех во всех ее предприятиях. Наступил долгожданный мир после побед в войне с Турцией. Ее племянница родила сына, которого назвали Иоанном. Он должен был наследовать престол. Но он был еще беззащитным младенцем, которого могла защитить только она. Все, что было еще в ее силах, для обеспечения его будущего она сделала, перед тем как скончалась в этом же году, в своем Летнем дворце. Анна Иоанновна говорила Бирону: «Я хочу исполнить все, что зависит от меня, а что будет потом – зависит уже от воли Божией. Вижу сама, что оставляю этого бедного ребенка в самом жалком положении, но я не в силах ничем помочь ему, а отец и мать его тоже бессильны, особенно отец, которому природа отказала даже в самом необходимом для покровительства сыну. Мать довольно умна, но у нее есть отец (герцог Мекленбургский. – А.А.), известный тиран и деспот: он, верно, не замедлит сюда явиться, будет действовать так же, как в Мекленбурге, вовлечет Россию в бедственные

войны и доведет ее до разорения. Я боюсь, что по смерти моей будут поносить мою память». Предчувствия Анны Иоанновны вполне оправдались.

В том же трагическом для нее 1740 году императрица поручила Растрелли построить новый, еще более грандиозный и красивый Летний дворец – на другом конце Летнего сада, у берега Фонтанки. Его она предполагала передать племяннице Анне. Но поселилась в этом дворце уже Елизавета Петровна.

Несколько десятилетий спустя, при императоре Павле Петровиче, вновь заговорили о необычном явлении, но уже в новом Летнем дворце. Рассказывают об этом так: «К солдату, стоявшему здесь в карауле, явился в сиянии юноша и сказал, что он архангел Михаил. Солдату было приказано идти к императору и сказать, чтобы на месте этого старого Летнего дворца был построен храм во имя архистратига Михаила. Когда доложили об этом Павлу I, то он ответил: «Мне уже известно желание архангела Михаила; воля его будет исполнена»».

Если о первом необычном случае в Летнем саду рассказал свидетель происшедшего, то о втором свидетельствуют последовавшие события: шедевр Растрелли действительно был сломан, и на его месте возникла в Летнем саду красивая церковь Архангела Михаила. При церкви император воздвиг и дворец – жилище для себя. Назвал он его Михайловским замком. Он думал обрести здесь безопасность и благополучие. Но не получилось...

Красные перья, белые штиблеты и золотые пуговицы

Александр Алексеевич Столыпин оставил воспоминания о том, как ему довелось быть адъютантом знаменитого графа Суворова. Когда в 1795 году в Варшаве он был представлен прославленному полководцу, тот спросил его: «Где служил твой отец?» Молодой Столыпин растерялся и отвечал: «Не знаю, ваше сиятельство». Суворов, приложив пальцы к губам, вскричал: «В первый раз... «не знаю!»». «Алексей Емельянович служил по статской службе», – сказал кто-то рядом. Зная, что фельдмаршал статскую службу не любит, Александр испугался, вспомнил и закричал во все горло: «Нет, ваше сиятельство, батюшка служил в Лейб-Компанском корпусе!» Фельдмаршал и все присутствующие засмеялись.

Что же это был за Лейб-Компанский корпус, благодаря которому Суворов простил «не знаю» Александра? И в котором в свое время служил прадед часто вспоминаемого в наше время П.А. Столыпина.

Фельдмаршал граф Бурхард-Христоф Миних преподавал в 1740 году наглядный и запоминающийся урок успешного государственного переворота. Победитель турок при Ставучанах, он и всесильному Бирону нанес, по всем правилам военного искусства, внезапный удар во внезапном месте. С сорока гренадерами он арестовал регента ночью, прямо в спальне, отправив затем его в Шлиссельбург.

Правительницей России тогда стала Анна Леопольдовна – мать годовалого младенца, императора Иоанна VI (двоюродного внука почившей Анны). Женщина она была кроткая, добрая, доверчивая. В хрониках столичной жизни, сообщаемых «Санкт-Петербургскими ведомостями», в 1730-х годах ее имя часто упоминается рядом с именем ее двоюродной тетки Елизаветы. Например: «Изволила ея императорское величество наша всемилостивейшая государыня с их высочествами государынею цесаревною Елизаветой Петровною и государынею принцессою Анною в провождении всего придворного стага итти в новопостроенную на перспективной улице церковь рождества Пресвятыя Богородицы». Эти близкие отношения продолжились и тогда, когда появился на свет младенец Иоанн. Французский посол де ла Шетарди сообщал своему министру: «Принцесса Елизавета... не упускает случая как можно чаще навещать здешнего государя (Иоанна. – А.А.)».

Правительница Анна Леопольдовна.

Между тем правительнице все чаще стали доставлять сведения о том, что она стоит на краю пропасти. А столкнуть ее в зияющую бездну собирается не кто иная, как столь близкая к ней Елизавета Петровна. Об этом регентше докладывали министры, приходили сообщения и из-за границы. Однако Анна Леопольдовна ограничилась личным объяснением наедине с белокурой родственницей и была успокоена ее обиженными слезами и заверениями в преданности ей и младенцу-царю.

Император Иоанн Антонович. 1741 г.

А между тем заговор действительно был, обильно питаемый французскими и шведскими финансовыми субсидиями. Предполагалось объявить Елизавету императрицей 6 января, в праздник Крещения. Во время крещенского парада гвардейских полков на льду Невы, напротив Зимнего дворца. Наверное, это было бы похоже на то, что затем, уже в декабре 1825 года, произошло на Сенатской площади, с таким же финалом.

Но тогда, после сестринских объяснений с Анной Леопольдовной, Елизавета, к счастью своему, решила действовать без промедления. По способу, уже опробованному графом Минихом. На следующую же ночь (с 24 на 25 ноября 1741 года) она вышла из своего дворца, что находился на Марсовом поле (на том месте, где потом был дом принца Ольденбургского). В санях ее ждали хирург Иван Иванович (Иоганн-Герман) Лесток, камергер Михаил Воронцов, братья Петр и Александр Шуваловы. По пустынным ночным улицам они помчались к съезжей избе гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка. Там дочь Петра уже ждали примкнувшие к заговору гренадеры, предварительно арестовав дежурного офицера Гревса. Остальные роты полка спали в это время. Предусмотрительный Лесток разрезал дно у сложенных в одном месте барабанов, чтобы никак нельзя было произвести тревогу.

Собралось до 300 унтер-офицеров и солдат. Глубокой ночью вся эта компания во главе с Елизаветой двинулась в полной тишине к Зимнему дворцу. Тогда это был еще Анненский дворец, вытянувшийся вдоль Адмиралтейства.

Елизавета Первая, императрица и самодержица. Е.П. Чемесов по оригиналу П. Ротари. 1761 г.

По приближении кортежа к дворцу, в конце «Невской перспективы», гренадеры посоветовали своей предводительнице для избежания шума выйти из саней. Они взяли ее на руки и донесли до дворца. В известных им покоях мирным сном почивала Анна Леопольдовна с супругом. Проспавших свое царствование разбудили, завернули в шубы и увезли... В соседней комнате в своей колыбели тихо спал младенец-император.

Елизавета вынула Иоанна Антоновича из колыбели, взяла на руки и стала его целовать. Младенец улыбался столь знакомой ему ласковой тете и старался повторять победное «ура» столпившихся под окнами гренадер. «Невинное дитя, – говорила тогда Елизавета Петровна, – не знаешь, что эти клики лишают тебя престола». Она целовала свою жертву, торжествуя свою победу и не думая о том, что это занятие не такое уж безвинное и безнаказанное для нее и ее потомков.

«Невинное дитя» вскоре ожидала жестокая судьба. Младенец Иван будет изолирован от матери, отца, мира, образования и воспитания. Станет «безымянным арестантом» в одном из мрачных казематов Шлиссельбургской крепости, с забрызганными окнами, а потом будет здесь убит. Но известно: «Мне отмщение, Я воздам» (Рим. 12. 19). Племянник Елизаветы, унаследовавший ее престол под именем Петра III, также станет жертвой заговора, а в трагедии под Екатеринбургом 1756 года много будет сходного с Шлиссельбургской трагедией.

Шлиссельбургская крепость. 1839 г.

Но вернемся к Преображенским гренадерам и императрице Елизавете Петровне.

За свою усердную службу гренадеры просили одну только награду: «Объяви себя капитаном нашей роты и пусть мы первые присягнем тебе!» Елизавета милостиво согласилась. Гренадерская рота Преображенского полка получила наименование Лейб-Компании, звание капитана которой взяла на себя сама императрица. Чина капитан-поручика роты удостоился генерал принц Гессен-Гомбургский. Соответственно чин прапорщика в Лейб-Компании был сравнен с чином полковника, сержанта и капрала – с подполковником и капитаном. Рядовой гренадер в Лейб-Компании был равен поручику в армейских полках. Затем унтер-офицеры, капралы и рядовые получили потомственное дворянство. Им были пожалованы имения с крепостными, для них были сочинены гербы.

В память о минувшем ночном событии Елизавета повелела построить на месте известной нам съезжей избы трехпридельный храм. Ныне это Спасо-Преображенский собор, что на Литейном проспекте.

Спасо-Преображенский собор. Вторая половина XIX в.

Лейб-Компания была помещена в старом Зимнем дворце, где прежде была резиденция Петра I и Екатерины I. Теперь его приспособят для особо приближенной к престолу «гвардии в гвардии». (Позже Екатерина II поставит на стенах так называемого Лейб-Компанского корпуса Эрмитажный театр.)

Позаботилась Елизавета Петровна и о красивой форме для любезной ее сердцу Лейб-Компании. Гренадер был одет в зеленый кафтан с золотым зубчатым галуном. Камзол и штаны были красные с золотыми пуговицами, манжеты и галстук кружевные с белой кисеей. Штиблеты были белые с золотыми пуговицами (парадные) или из черного сукна с штибель-манжетами из белого полотна (повседневные). Шапка гренадерская, обтянутая красным сукном, с перьями, с правой стороны – красными, а с левой – белыми.

Гренадер Лейб-Компании. 1742–1762 гг.

Барабанищик Лейб-Компании. 1742–1762 гг.

Офицер и сержант Лейб-Компании. 1742–1762 гг.

Рядовых лейб-компанцев учили грамоте и умению считать. Однако прославились они в Петербурге и в Москве при коронации не образованностью своей и хорошими придворными манерами. В «Истории Преображенского полка», выпущенной к его 200-летию, вспоминают об этом времени: «Солдаты, дотоле приученные к палкам и кошкам, а теперь за свои услуги освобожденные от этих неприятностей, совершенно вышли из повиновения, особенно грендерская рота, или Лейб-Компания, не хотевшая знать начальника. Толпами врываются в дома именитейших сановников, с угрозами требовали от них денег, без церемонии брали в богатых домах все, что им нравилось. Пьянство, разврат, драки, грабительства гвардейских солдат принимали все большие размеры, так что фельдмаршал Ласси принужден был расставить по всем улицам пикеты армейских солдат... И, несмотря на это, жители Петербурга были в большом страхе, многие оставили свои дома, и все ворота были заперты... А правительство, помня их недавнюю заслугу, не решалось применять надлежащих мер строгости. Императрица, как бы в наказание, только перевела офицерами в другие полки некоторых лейб-компанейских солдат».

Елизавета Петровна не решалась упразднить свою слишком вольную Компанию. Последняя беспрекословно подчинялась своему капитану, а императрица желала всегда иметь при себе доверенных защитников. Она боялась нового переворота, уже направленного против нее: ведь свергнутый ею император Иоанн VI был жив, возможны были и другие претенденты. По ночам она плохо спала, опасаясь внезапного пробуждения...

Ее племянник посчитал, что ему бояться нечего. Со свойственной его характеру беспечностью он расформировал Лейб-Компанию в марте 1762 года. Гренадеры лейб-компанцы переводились в другие воинские части – с соответствующими офицерскими чинами. А гренадеры, пожелавшие выйти в отставку, увольнялись с положенным им офицерским чином.

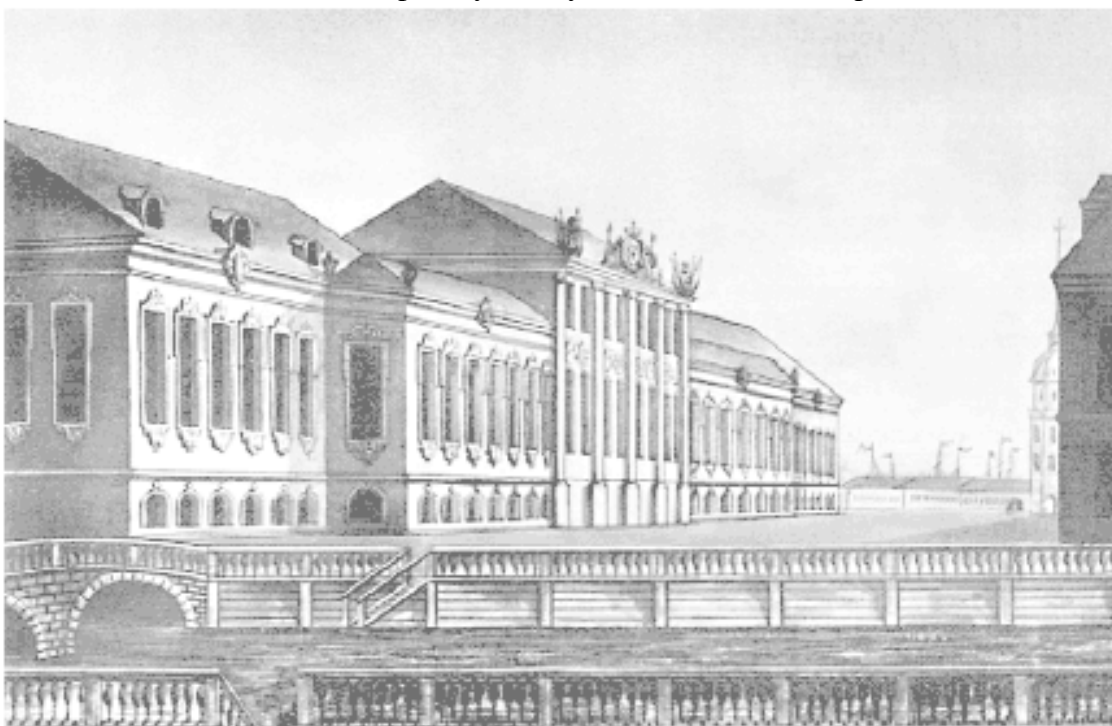
Упомянутый нами в начале Алексей Емельянович Столыпин пожелал выйти в отставку. Он получил при выходе чин поручика.

Однако оказалось, что государыня Елизавета Петровна не напрасно беспокоилась о своей безопасности. В июне того же 1762 года царь Петр Федорович был низложен и убит. Начало той, екатерининской, июньской «революции» положил уже гвардейский Измайловский полк, учрежденный Анной Иоанновной.

Тайны исчезнувшего дворца

Петербург-Ленинград называют городом трех революций. Считается, что первая революция была в 1905 году. Вторая – в феврале 1917 года. А третья – Социалистическая, со «штабом» в Смольном, – в октябре того же года. Мы же напомним об еще одной революции, бывшей в нашем городе, – июньской 1762 года. Той, которую можно назвать и Романтической. Поскольку вдохновителем и организатором ее была женщина. Был у этой революции и свой «штаб», который находился в деревянном Зимнем дворце.

Сейчас ничто не напоминает о том, что некогда в квартале, заключенном между Мойкой, Невским проспектом, Малой Морской улицей и Кирпичным переулком – в самом центре города, – находился деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны. Его построил архитектор Ф.Б. Растрелли. Царское семейство должно было жить в нем, пока строился новый каменный Зимний дворец, существующий в настоящее время.

Вид Зимнего деревянного дворца. Конец 1750-х гг.

Постройка деревянного дворца была осуществлена в течение одного строительного сезона. Современников поразила быстрота, с которой было воздвигнуто здание. Поразила их также роскошь его внутреннего убранства. Переезд императорской фамилии в новое жилище состоялся вечером 5 ноября 1755 года.

Это было одноэтажное строение, украшенное в стиле барокко. Главный подъезд дворца находился на углу Невской перспективы и Малой Морской улицы. Войдя через него в дом, посетитель попадал в анфиладу красивых зал. Продвигаясь далее, он видел слева от себя окна, обращенные к перспективе, а справа – проходы в боковые флигеля, в которых последовательно размещались покои великого князя и великой княгини (наследников), Тронный зал с примыкающей к нему домашней церковью, служебные комнаты. Покои императрицы располагались вдоль набережной Мойки и завершались переходом в каменный театр.

Схема расположения Зимнего деревянного дворца.

О Елизавете Петровне этого времени вспоминают, что она любила всякие увеселения, маскарады, театр, и вместе с тем никогда не полагалась на безопасность носимой ею короны. Боялась ложиться спать до рассвета, памятуя о том, как сама ночью арестовывала Иоанна VI – годовалого младенца-императора с его матерью, освобождая для себя российский престол. А между тем невинно заточенный в крепости представитель старшей ветви династии Иоанн Антонович был еще жив...

Оберегали императрицу (и свое положение при ней) наиболее влиятельные лица во дворце – братья Шуваловы. Старший брат, граф Александр Иванович, был начальником канцелярии тайных розыскных дел и следил за тем, чтобы никакие заговоры в столице более не возникали. Младший брат, граф Петр Иванович, сосредоточил в своих руках решение всех военных и финансовых вопросов в империи. Их юный двоюродный брат, увлеченный искусством, граф Иван Иванович, сумел понравиться царице и стал фаворитом – чему, конечно, способствовали влиятельные братья. Шуваловы решали все дела сообща.

Екатерине отвели покои с окнами, обращенными в сторону Кирпичного переулка – к дому Наумова (Матюшкиной), что был и на углу Малой Морской улицы. Это были две большие высокие комнаты с кабинетом и прихожими. Великой княгине понравилось и то, что покои для великого князя Петра Федоровича (с его табачным запахом) не были назначены вблизи ее комнат. У нее с мужем были сложные взаимоотношения. Пренебрегаемая им, она обратилась к чтению разных умных книг. Ее попечителем был назначен не симпатичный ей Александр Шувалов, левый глаз которого все время помаргивал.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна. С гравюры Штенглина

Современники вспоминали, как выглядела тогда великая княгиня Екатерина Алексеевна: «Приятный и благородный стан, гордая поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд – все возвещало в ней великий характер...» Вместе с тем отмечали: «Замечательные в ней приятность и доброта для пронизательных глаз суть не иное что, как действие особенного желанья нравиться, и очаровательная речь ее ясно открывает опасные ее намерения». О себе самой недавняя немецкая принцесса писала: «Принципом моим было нравиться людям, с которыми мне предстояло жить. Я усваивала их манеру поступать и вести себя: я хотела быть русской, чтобы русские меня полюбили». Уроки русской манеры обхождения Екатерина брала у преданных ей горничной Екатерины Ивановны и лакея Шкурина. Очень хотела также Екатерина, еще с ранней юности, стать русской императрицей.

Между тем пятидесятилетняя императрица не по возрасту быстро стала терять свое здоровье. Очевидно, вследствие разных душевных переживаний.

Братьям Шуваловым надо было беспокоиться о своем будущем – о приобретении благорасположения великой княгини Екатерины Алексеевны, до сих пор не баловавшей братьев таковым. Еще одного двоюродного брата у них не было, а нужно было найти такого верного им человека, который мог бы стать фаворитом столь своеобразной молодой женщины, каковой была цесаревна.

У богатого и властного вельможи графа Петра Шувалова были дом на Мойке с его знаменитым садом (ныне здесь дворец Юсупова) и, по моде того времени, любовница – красавица княгиня Е.С. Куракина. Любовные записки к княгине от влюбленного генерала носил адъютант поручик Григорий Орлов. Г.Г. Орлов тогда был слишком молод, чтобы ограничиться ролью поверенного любовных тайн, и опытная Куракина быстро открыла его счастливые способности. Петр Иванович тогда принял соответствующие меры – отослал превысившего свои полномочия офицера в действующую армию, на войну с Пруссией.

Портрет князя Г.Г. Орлова. Л.И. Черный. Конец 1760-х – начало 1770-х гг.

Очевидно, теперь граф решил дать возможность своему бывшему адъютанту реабилитировать себя. В 1759 году отличившийся в боях Григорий Григорьевич Орлов снова появляется в Петербурге, сопровождая пленного прусского генерала. Здесь ему дали чин капитана. Известному в столице игроку доверили артиллерийское казначейство.

Поселился Орлов в доме Наумова, напротив дворца. Через окно на другой стороне переулка он видел великую княгиню, брошенную мужем и в одиночестве читающую книги. Григорий целыми днями стал сидеть дома и смотреть на Екатерину. Наконец та заметила влюбленного в нее красивого молодого человека. Благополучному развитию завязавшегося романа способствовали преданные слуги великой княгини – Шкурин и Екатерина Ивановна.

Как и в случае с Куракиной, Григорий прежде всего руководствовался велениями сердца, а затем уже интересами своих тайных покровителей. Но его братья Алексей и Федор были натурами деловыми, воинственными и честолюбивыми. Рослые, мужественные и полные рыцарского обаяния братья поклялись Екатерине, что возведут ее на престол. Они стали набирать в гвардии сторонников умной, обаятельной и любящей все русское великой княгини, матери цесаревича Павла.

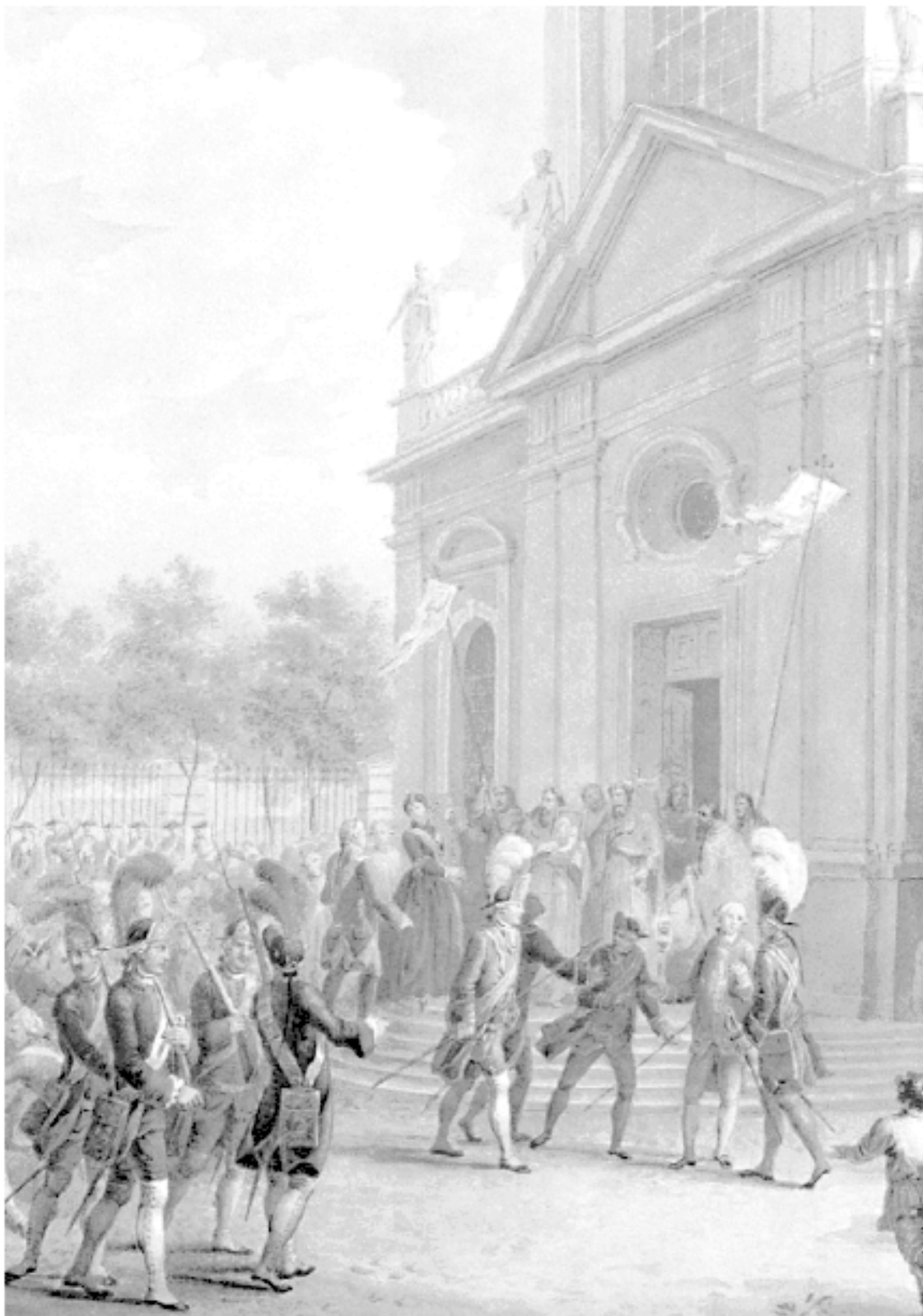
Екатерина же в этих сложных обстоятельствах сумела показать себя достойной высокого царственного положения, использовала все свои таланты великой актрисы. Она собирала вокруг всех тех, кто опасался воцарения ее неумного мужа, открыто объявившего прусского короля своим государем и презиравшего все русское.

Между тем такое воцарение и случилось, когда в декабре 1761 года безвременно скончалась Елизавета Петровна – в своих покоях, обращенных к набережной Мойки. Императором провозглашен ее наследник – великий князь Петр Федорович. Екатерина тогда запретила своим сторонникам препятствовать этому акту. Она, как тогда казалось, вся отдалась скорби по почившей тетушке. Вместе с тем под широкими траурными одеждами она скрывала свою беременность, возникшую от романтической связи с Григорием Орловым. Екатерина тогда была не готова к открытому выступлению.

В апреле Екатерина тайно родила мальчика, которого назвала Алексеем и тут же отдала своему гардеробмейстеру Василию Шкуруину на воспитание в его семействе. Ребенок рос робким, кротким и послушным. А его мать, получив облегчение от долгой ноши, была уже готова к активным действиям. Тем более что сам Петр III своими начатыми неумными реформами способствовал росту недовольства в столице и в стране.

Рано утром 28 июня по старому стилю в старой обычной карете, доставившей ее из дачного Петергофа, Екатерина прибыла в казармы Измайловского полка. На ней было то же черное траурное платье с орденом Св. Екатерины. Въехала она совершенно бледная и дрожащая, а была принята с радостным энтузиазмом. Измайловцы, а затем и семеновцы ей присягнули. В невзрачной карете, запряженной лишь двумя лошадьми, она двинулась к центру города в сопровождении необычной процессии из солдат двух полков. Строя не было, все перемешалось, воинственные крики угрожали тем, кто станет противиться матушке-царице. К этой демонстрации присоединялись и мятежно настроенные горожане.

Екатерина со своим сопровождением остановилась на Невском проспекте, у церкви Казанской Божией Матери. Она зашла внутрь и помолилась перед чудотворной иконой. Звонили колокола Казанской церкви, Екатерине присягали подходившие полки... В полдень она вернулась в привычные ей покои деревянного Зимнего дворца – уже его самодержавной хозяйкой. Здесь были написаны ее первый манифест и указы.

Екатерина в сопровождении солдат у церкви Казанской Божией матери.

В тот же день вечером Екатерина (памятуя, что нужно ковать железо, пока оно горячо) вместе с верным ей войском отправилась воевать своего супруга – в Ораниенбаум. Она ехала верхом с обнаженной шпагой в руке. На ней была мужская одежда – гвардейская форма с андреевской лентой через плечо. До боев дело не дошло: ее супруг, император Петр Федоро-

вич, испугался и капитулировал, отрекся от престола. И вскоре, как официально сообщалось, скончался «от геморроидальных колик».

Григорий Григорьевич Орлов должен был стать мужем императрицы. Сенат предложил Екатерине выбрать себе супруга, с тем только условием, чтобы он был русским по происхождению. Для Григория был построен дворец («Мраморный»), устроен двор по примеру императорского, назначены пажи, камергеры. Но потом вдруг Екатерина согласилась с врагами Орлова, считавшими, что ей лучше остаться самодержавной императрицей, а не быть «мадам Орловой». Она воздержалась от окончательного решения. Нетерпеливому Григорию Григорьевичу тогда было сказано: «Elle flotte, elle hésite, en un mot elle est femme» («Она сомневается, колеблется, одним словом, она – женщина»).

Что же дальше было с деревянным Зимним дворцом? В елизаветинское время в его анфиладных залах были балы с маскарадными развлечениями. Елизавета Петровна любила повеселиться. Ее обширный гардероб постоянно обновлялся. Вскоре после «июньской революции» (так Екатерина II назвала удавшееся ей предприятие) привычные развлечения в этом дворце возобновились. Но потом был «высочайше утвержден» новый план для застройки города, по которому все деревянные строения на Адмиралтейской стороне подлежали разборке. Новые строения должны были быть в центре только каменные.

Деревянный Зимний дворец в 1767 году тоже был разобран. Над образовавшимся обширным пустырем возвысились оставшиеся каменные строения. Бывшая кухня была приспособлена для проживания семьи приглашенного царицей скульптора. Получился уютный двухэтажный особнячок в центре столицы. К нему примыкал тоже временно сохраненный тронный зал. В нем была мастерская Фальконе, в которой тот создавал свой знаменитый шедевр – конный памятник Петру I.

А в бывшем театре устроили конюшни. Некоторое время оставались при них и примыкавшие к театру покои почившей императрицы. Но теперь в них поселили Путиловских каменщиков, работавших по возведению задуманного Екатериной висячего сада при новом каменном Зимнем дворце.

Карусель пиковой дамы

Появление в Петербурге первого в его истории стадиона было необычным и оказалось связанным с несколькими маскарадными обстоятельствами. В XVIII веке любили предаваться маскарадным забавам. Особенно во время рождественских и новогодних празднеств. Но не прочь были отвлечься от повседневности с помощью необычных забав и в другое время...

Холодная весна 1765 года в столице была омрачена тягостными воспоминаниями об убиении минувшим летом в Шлиссельбурге «несчастливого принца Иоанна Антоновича». Более двадцати лет он был живым опасным укором для царствовавших родственников и предметом воспоминаний в народе, помнившем недолгое царствование младенца Ивана-царевича, при котором и шведов побили, и жизнь была дешевле.

Для того чтобы отвлечь столичных жителей от неприятных настроений и размышлений, решено было дать им такое развлечение и зрелище, какое они отродясь не видели и о котором никогда не слышали. Екатерина II, может быть, по совету возвращенного из ссылки фельдмаршала Б.-Х. Миниха решила устроить в Петербурге так называемый Карусель.

Карусель был забавой европейского происхождения. Особенно распространенный в минувшем уже XVII веке, он пришел на смену средневековым рыцарским турнирам, не обходившимся без смертоносных исходов и увечий. В просвещенном новом времени это традиционное, несколько грубоватое зрелище превратилось в бескровные конные состязания. Красочно одетые команды рыцарей и их дам состязались в ловкости, умении владеть оружием, преодолевать препятствия, демонстрируя при этом красоту и изящество, изображая различные сцены. Такие команды называли «кадрилями». Кадрили соревновались на большой открытой арене, вокруг которой устраивались места для зрителей.

Высочайшим указом назначен был Карусель на лето наступившего года. Для участия в нем были определены четыре кадрили, получившие наименования – Славенская, Римская, Индийская и Турецкая. Они были соответственно одеты и даны им были музыканты со своей национальной музыкой, исполняемой на своеобразных исторических инструментах. В турнире, по древней традиции, могли принять участие и рыцари из других стран, о чем было объявлено. Главным судьей турнира определили победителя во многих сражениях – фельдмаршала графа Миниха.

Фельдмаршал граф Б.Х. Миних. С гравюры Е.Л. Чемезова.

Все уже было готово для Каруселя. Однако лето проходило, а благоприятная для назначенного предприятия погода не устанавливалась. И в августе «ее императорское величество соизволили за дурным нынешнего года временем Карусель отменить».

Карусель был перенесен на июнь будущего года, к великому разочарованию участников будущих состязаний и неутоленному любопытству населения столицы. В ту зиму на новогодних маскарадах и светских балах только и было разговору, что о предстоящем Каруселе.

Весна и лето 1766 года удались на славу. В петровском «парадизе» было светло, тепло и зелено от многих садов. В конце мая императрица с наследником при пушечной стрельбе с Адмиралтейской крепости «изволили перейти из зимнего дому в Летний дворец» (ныне на его месте находится Михайловский замок). Об этом сообщили в газете. В это же время было напечатано и о том, что царское слово, касательное Каруселя, будет сдержано: «В прошедшем году Карусель за худую погоду был отложен... ныне вновь объявляется, что оному Каруселю быть в половине июня, для чего все желающие оный видеть могут сим предварительным известием воспользоваться».

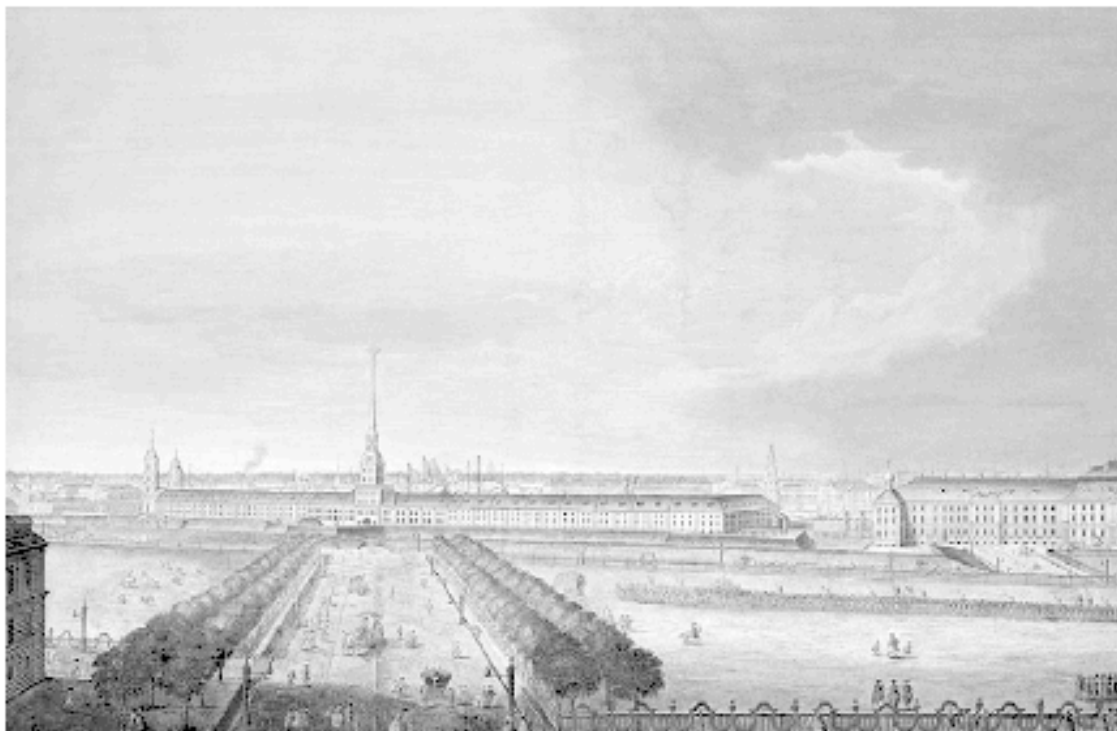
16 июня, в половине пятого дня, по сигналу из трех пушек всадники и колесницы кадрили начали маршировать к месту предстоящего ристалища – амфитеатру у Зимнего дворца. Они торжественно двигались от Летнего дворца и с Малой Морской улицы. Во главе Славенской кадрили был граф И.П. Салтыков, впереди Римской кадрили красовался граф Г.Г. Орлов (находившийся в фаворе у Екатерины), шефом Индийской был князь П.И. Репнин, а Турецкой командовал величественный граф А.Г. Орлов (брат фаворита). «Санкт-Петербургские ведомости» рассказывали:

«До сего времени то натурально всяк судил, что по краткости времени хотя и увидеши нечто новое и немалым иждивением устроенное, думать однакож не мог, чтобы представлено было сие в России такое небывалое действие в столь великой огромности... Благородство одного требовало по приличности особливой великолепия; но сверх чаяния все зрители увидели переливающуюся гору богатства и изобилия в драгоценных камнях и всякаго рода Кавалерских и конных золотых и серебряных уборах, в древности Российских сокровищ всегда сохраняемых, а к сим увидено было богатство новых украшений и искусство в изобретениях, которыми четыре кадрили были различены. Каждая представляет нам народ свой в той степени, в которой старые и новые писатели упоминают их славнейшия ополчения. Сие величественное представление восхищало дух благородных зрителей и удивляло весь народ знаменитым проворством Кавалеров. Но не меньше вело на ту же цель нежностью и приятством, когда все увидели в том же ополчении и с такими же кавалерскими доспехами дам благородных в брони военной на колесницах по древнему обыкновению каждого народа устроенных... Одевание Кавалеров богато блистало драгоценными камнями, но на дамских украшениях сокровища явились неисчетныя: словом, публика увидела брильянтов и других рода камней на цену многих миллионов... в явлении сего Каруселя публика нечаянно увидела то, чего она прежде в мысли представить себе не могла...»

Сколь великого стечения по улицам народа, того описать невозможно. А понеже предостережено было добрым Полицейским учреждениям, чтобы никакого помешательства от тесноты народа на местах к маршу на назначенных улицах не случилось, то как по сторонам оных, так и в окнах всех домов и на кровлях бесчисленное множество людей зрелище представляло редко в государствах случающееся. Но всего торжественнее

казался вид зимнего каменного Дому Ея Императорского Величества, которого апартаменты, как ни велики, не токмо наполнены были зрителями во всех его этажах, но и кровли были покрыты народом, потому что перед сим зданием помянутый амфитеатр поставлен».

Поставлен был этот необычный для Петербурга деревянный амфитеатр в центре обширнейшей Луговой площади, раскинувшейся перед Зимним дворцом (Дворцовой эта площадь станет называться тогда, когда на ней перестанут пастись коровы). Строился он по проекту придворного архитектора А. Ринальди. Прямоугольный в плане, с закругленными углами и с пятью уступами для нумерованных зрительских мест, амфитеатр мог вместить несколько тысяч зрителей. Устроена была и императорская ложа. Напротив нее – ложа наследника. Для двенадцати судей тоже были ложи, помещенные на четырех углах амфитеатра: по три судьи от каждой кадрили. В этих ложах были и оркестранты со своей музыкой, представляющей команды. А для главного судьи кресло было поставлено на трибуне в центре арены. От арены амфитеатр был огражден барьером, живописно расписанным на героические темы. Верх амфитеатра был украшен балюстрадой. Таким был первый стадион в городе.

Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений с частию Невской перспективной дороги с западную сторону. Г.А. Качалов по рисунку М.М. Махаева 1748 г. 1753 г.

Славенская и Римская кадрили въезжали в него через главные ворота, бывшие напротив нового каменного Зимнего дворца. Индийская и Турецкая через такие же, но находившиеся напротив – на стороне деревянного Зимнего дворца, что был на Невской першпективе. «А когда кадрили стали уже входить в амфитеатр, тогда музыка звук громкий и по роду многих нововымышленных инструментов никогда не слышанный произвела».

Получив повеление от императрицы «к начатию курсов», главный судья со своего центрального места трубою возвестил об этом.

Первыми поразили зрителей своим искусством дамы. Они из стремительно несущихся по кругу колесниц метали пики и поражали ими цели. Затем кавалеры на скачках показывали свое проворство и ловкость – пронзали копьями манекены и саблями снимали с них головы. Судьи записывали в таблицы успехи и неудачи дам и кавалеров.

А зрители болели за тех, кто им пришелся по душе: «...вошли не чувствительно в разбор подробный прямых действий». Наверно, эти прямые действия приводили и к кулачным разборкам. Нравы тогда еще не были смягчены.

По завершении «курсов» кадрили сделали прощальный марш вокруг арены и по Большой Луговой и Перспективной улицам проследовали к Летнему дворцу, где должны были объявить победителей. Там судьи закрылись в Конференц-зале. А уставшие соревнователи остались ожидать их решения в Большом зале.

Был уже поздний вечер, когда из совещательной комнаты вышли судьи, а за ними пажи императрицы несли на золотых блюдах богатые «прейсы». Главный судья, престарелый военный муж, фельдмаршал фон Миних сказал тогда прочувствованные слова, обращенные сначала ко всем, а затем отдельно к дочери сенатора П.Г. Чернышева – графине Наталье Петровне:

«Государыня моя! Вы та первая, которой я уполномочен от Ее Императорского Величества вручить первый прейс, выигранный вашим приятнейшим проворством... сверх одного принадлежит вам еще право раздать прекрасными вашими руками прейсы всем Дамам и Кавалерам». И он вручил победительнице ее пребогатый бриллиантовый тресиле.

Затем Миних объявлял решение судей о занятых местах, а ставшая рядом с ним Наталья Петровна передавала награжденным призы.

Из дам второй была А.В. Панина (приз – табакерка с бриллиантами), третьей – графиня К.А. Бутурлина (перстень бриллиантовый).

Из кавалеров первый приз получил подполковник князь И.А. Шаховской (из бриллиантовой петлицы с пуговицей на шляпу), второй – полковник Ребиндер (трость с головкой, осыпанной бриллиантами), третий – граф фон Штейнбок (перстень бриллиантовый).

В заключение всего хозяйка дворца попросила оказать ей удовольствие: «всем Дамам и Кавалерам в действии находившимся и судьям остаться при столе своем». Десерт был поставлен приличествующий карусельным забавам, а при столе играла музыка вокальная и инструментальная; и по окончании стола был бал в масках до пятого часа пополуночи.

Рыцарские забавы имели столь большой успех при дворе и среди населения столицы, что решено было их повторить. Следующий Карусель состоялся этим же летом, 11 июля. И опять в нем первый приз получила графиня Наталья Петровна.

Натали Чернышева ко времени своего двойного триумфа стала уже двадцатипятилетней барышней. Материнские заботы Екатерины II о своих подданных проявились и в этом случае. Вследствие чего 30 октября того же счастливого 1766 года Наталья Петровна вышла замуж и превратилась в княгиню Голицыну. Брак тоже стал счастливым. Плодом его были три сына и две дочери (дочери были ею благодарно названы Екатериной и Софией).

Княгиня Н.П. Голицына.

Княгиня Голицына затем блистала в Париже при королевском дворе. Успех сопровождал ее и при карточной игре. Метала она карты так же метко и точно, как некогда пики. Называли ее «Пиковой дамой». Прожила она долгую жизнь. Пережила и А.С. Пушкина, который представил нашу героиню в своей широко известной повести. Современники узнавали в графине постаревшую княгиню Наталью Петровну (по прозвищу за ней бытовавшему). В повести Пиковая дама тоже поражает своего неприятеля.

Необычной была судьба и описанного нами стадиона-амфитеатра, прозванного в народе Каруселью. Он затем путешествовал по городу и претерпел трансформацию, имеющую свое продолжение и в наше время. Но это уже другая история.

Ворона на цепи

Среди знаменитых семи чудес античного мира называют и висячие сады Семирамиды. За истекшие тысячелетия люди забыли о военных победах ассирийской царицы Шамшиадады, завоевавшей Египет и Эфиопию, но воспоминания о садах, устроенных ею в Вавилоне, передавались из поколения в поколение – устно и письменно. Сады Семирамиды покоились на сводах, казались как бы подвешенными над землей – и этим поражали воображение тех, кто видел их.

Пожелала ли Екатерина II и в своей Северной столице устроить подобное чудо, разделив славу легендарной царицы? Или ей понравился сад, устроенный Иваном Ивановичем Бецким на крыше дома, что был напротив Летнего сада, у канавки? Так или иначе, но весной 1763 года во время коронационных торжеств в Москве Екатерина задумала при своих внутренних покоях в Зимнем дворце устроить сад. Комнаты императрицы находились в юго-восточном углу дворца, на втором этаже. Соответственно, на уровне этого этажа должен был быть и личный сад царицы.

Висячий сад возводил архитектор Ю.М. Фельтен (с 1764 года) – на кирпичных столбах, стенах вдоль восточного фасада Зимнего дворца – от Дворцовой набережной до Миллионной улицы. Покои Екатерины были соединены с садом посредством арочного, крытого перехода над образовавшимся здесь узким переулком.

В Петербурге екатерининского времени сады были предметом всеобщего увлечения. В поэме «Сады» французский поэт Делиль описывал путь к счастью: «Благополучен тот, кто мирных благ любитель, Забыв тщеславия о гибельных мечтах, Невинный, радостный живет, как вы, (Адам и Ева. – А.А.) в садах И разнovidными роскошествует цветами, Зеленою травой и сочными плодами...» Население Петербурга в этом смысле достаточно близко было от счастья. И.Г. Георги писал тогда: «Сады и огороды занимают внутри города обширные места. Во многих дворцах и больших домах имеются знатные увеселительные сады... Кроме сего имеются при многих домах огороды и сады с плодовитыми или другими деревьями...»

В этих садах были не только обычные для северных мест фрукты и овощи. «Санкт-Петербургские ведомости» с воодушевлением сообщали о садовнике Иоганне Лоренце Гофмейстере, выращивавшем на Мойке (в садах графа Петра Ивановича Шувалова) помимо клубники, малины, вишен, сливы, огурцов и «абрикос» уже к Пасхе «как белые, так и синие наилучшие виноградные кисти совершенно зрелые». При этом искусном садовнике на петербургской почве стали произрастать «столь славная Муза, банана или баннера» и такие невиданные здесь нежные плоды, как ананасы. Последние Гофмейстер продавал по 2–3 рубля за штуку. Этому столь известного в столице садовника Екатерина и решила привлечь к устройству своего сада.

Устройство сада в галантном и стремящемся приблизиться к природе XVIII веке считалось искусством, во многом схожим с живописью. Существовала обширная классификация садов. Сады разделяли по времени: утренние, полуденные и вечерние, весенние, летние и осенние. Различали их по характеру: торжественные, меланхолические, веселые, приятные, романтические... Сад, который для себя избрала Екатерина, скорее всего, был романтическим – напоминающим рощи, образованные самой природой. Посажены здесь были шестиметровой высоты березы, доставленные из ближних лесов. Контрастировали с ними (подчеркивали их природное изящество, светлость) испанские вишни, яблони, бамбуковые пирамиды...

В северной части сада, обращенной к Неве, Гофмейстер устроил оранжерею, где произрастали экзотические растения и в которых, очевидно, можно было полакомиться нежными, сочными плодами. Здесь же были говорящие попугаи, обезьяны и другая теплолюбивая живность. Одного такого попугая Екатерина послала в подарок старику-вельможе, любителю женщин, взявшему к себе на содержание танцовщицу. Подарку сначала обрадовались, а затем разочаровались в нем. Попугай непрестанно говорил: «Стыдно старику дурачиться!»

В открытой для всяких непогод части сада тоже были собраны птицы. Чтобы они не улетели, над садом была натянута сетка – по металлическим дугам. По дорожкам сада разгуливали красивые фазаны. С ними контрастировали вороны, удостоенные цепной привязи к деревьям сада. Наверно, ими дорожили: потому ли, что их считали мудрыми птицами, или потому, что они обладали секретом долголетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.